Он был немного не в себе. До Нового года оставалось всего около десятка дней, и он изначально планировал съездить на родину, чтобы проведать Хэ Сяоманя. Но эти люди лупили его прямо по лицу, и синяки, судя по всему, за десять дней не сойдут.

Нельзя было позволить Хэ Сяоманю увидеть его в таком виде, так что и в этом году поехать домой не получится.

Эх.

Заметив, что Хэ Линьнань игнорирует его, Краб покосился на входной билет. Кругом царил мрак, так что разобрать надписи на нём вряд ли удалось бы. Зажав жесткую картонную карточку в пальцах, Краб швырнул ее Хэ Линьнаню в лицо:

— На девчонок в шоу глазеть у тебя деньги есть, а выплатить мне проценты — нету?

Хэ Линьнань поднял руку, пытаясь забрать билет, но Краб отдернул ее назад, и тот схватил пустоту. Опустив руку, Хэ Линьнань произнес:

— Это не шоу, это соревнование.

Краб поднес билет к самому лицу и попытался широко раскрыть глаза, чтобы разобрать слова. Спустя пару секунд он яростно взмахнул рукой, швырнул билет на землю, ткнул указательным пальцем Хэ Линьнаню в лоб и снова заорал:

— Хватит нести чушь! По-твоему, я грамоту не разумею? Взять его, заломать! Я сегодня до смерти прибью эту сучью морду!

Двое подручных подхватили Хэ Линьнаня с обеих сторон, поднимая на ноги, и кулаки Краба один за другим обрушились на него, глухо ударяя по телу.

Во рту поднялась кисло-горькая жидкость, затхлая зловонная отрыжка смешалась с запахом горячей крови. Человеческая кровь пахнет острее и тошнотворнее любой звериной.

Боль становилась всё более тупой, граница между избиением и ответными ударами постепенно стиралась. Кажется, он не удержался и ответил на удар, а может, и нет.

Сквозь пелену до слуха донесся чей-то голос:

— Хэ Линьнань?

Вместе с этим звуком из кончиков пальцев вверх поползло оцепенение — резкое, словно

пущенный по венам электрический разряд, прямо в голову.

Ей-богу, в последнее время он исправно принимал лекарства.

С чего бы снова начались слуховые галлюцинации?

Неужели отбитым головой умом он заработал галлюцинации?

— Брат Мянь, давай не будем лезть в дела местных отморозков… — раздался другой голос.

— Эй, это как это разговаривать? Какие еще местные отморозки? — вклинился Краб. — Мои дед и отец — хуацяо, я вообще-то тоже по-китайски говорю, между прочим!

Погодите, Краб ответил, а значит, он тоже слышал слова собеседника, и не он один уловил этот голос.

Не галлюцинация?

Хэ Линьнань изо всех сил попытался открыть глаза. Кровь залила их изнутри, или же глазные яблоки просто налились кровью; к тому же поблизости не было ни единого фонаря, освещать улицу Улинь получалось лишь редким неоновым отблескам вывесок, и он вообще ничего толком не видел.

Он с усилием зажмурился, а затем снова распахнул глаза. Ощущение было такое, будто он смотрит через камеру с сбитым фокусом, где остался лишь расплывчатый силуэт.

Этот размытый силуэт вновь произнес знакомым голосом:

— Хэ Линьнань.

Хэ Линьнань замер. Свет и тени перед глазами постепенно превратились в черные мерцающие сгустки, которые вспыхивали всё слабее, пока не исчезли окончательно. Контуры перед ним обрели четкость, превратившись в реального человека.

Неоновый свет падал на лицо этого парня, тревожно трепеща.

Это был молодой мужчина лет двадцати пяти-шести: высокие брови, глубокие глазницы. Такой человек невольно приковывал к себе взгляды в первую очередь выразительными глазами и бровями; монолид, ровная линия разреза, слегка приподнимающаяся к внешним уголкам. На лице не было ни грамма лишнего жира, из-за чего прямой нос и четкие линии челюсти казались особенно заметными. Лишь губы были чуть мясистыми, полной формы, причем

верхняя украшалась выразительными двойными изгибами.

Хэ Линьнань всё еще не был до конца уверен, не бред ли это, пока не заметил татуировку на шее молодого человека. Чуть ниже кадыка чернело кольцо шириной с мизинец.

Будь это галлюцинацией, у плода воображения не оказалось бы такой татуировки.

Хэ Линьнань внезапно ощутил пугающе реальное падение в пропасть. Инстинктивно он вцепился обеими руками в тех, кто держал его по бокам, изо всех сил ухватившись за чужие руки.

— Вы ошиблись человеком… — попытался ответить Хэ Линьнань, но его голос утонул в ругани уличных бандитов. Державшие его парни не поняли, с чего это он вдруг забился в истерике и начал вырываться, и крепче вцепились в плечи, пытаясь вновь вдавить его в землю.

С трудом отвернув голову в сторону в разгар брани и почувствовав себя в относительной безопасности, Хэ Линьнань повторил как можно отчетливее:

— Вы ошиблись человеком!

Он не хотел встречаться с Сяо Маньцзы.

Он действительно потратил тысячу восемьсот юаней в надежде посмотреть на выступление Сяо Маньцзы, но он вовсе не желал сталкиваться с ним лицом к лицу вот так.

С тех пор как восемь лет назад он стал причиной гибели Цицигэ — сестры-двойняшки Сяо Маньцзы, у него больше не было лица, чтобы показываться этому человеку на глаза.

Он вырвался из рук головорезов, но его тут же снова придавили. Руку едва не скрутили узлом, толкнув прямо к Крабу.

— Да ладно тебе, не ошибся, точно не ошибся! — Краб бросил беглый взгляд на Хэ Линьнаня, после чего скосил глаза на вмешавшегося не в свое дело мужчину. Тот оказался чертовски высоким, так что Краву пришлось задрать голову, чтобы разглядеть его.

Циферблат на запястье незнакомца поймал блик света. Краб скользнул туда взглядом и с первого же раза узнал классическую модель. Уголки его рта тут же невольно поползли вверх, а тон стал гораздо учтивее:

— Раз уж этот босс Хэ задолжал мне денег, не поможешь ли ты ему расплатиться?

— Сколько? — спросил мужчина.

Следом за ним шел парень с выкрашенными в красный цвет волосами и в футболке с коротким рукавом. Он тут же заорал:

— Брат Мянь!

— Ой, брат Мянь, — манерно передразнил его Краб. — А фамилия-то какая?

— Цинь.

Голос мужчины был ровным, а мягкая манера речи создавала впечатление, будто у него на редкость добрый нрав.

Добрый нрав в глазах Краба означал лишь то, что перед ним мягкотелый простофиля. Краб, конечно, побаивался своего старшего брата, но раз он сам выбил эти деньги с помощью собственных навыков, неужели брат заставит его выплюнуть их и вернуть обратно?

— Приятно познакомиться, босс Цинь. — Произнеся это, Краб бросил косой взгляд на притихшего Хэ Линьнаня, облизал губы и продолжил: — Твой друг должен мне… сто тысяч. — Он многозначительно покосился на часы на запястье Цинь Мяня и добавил: — Ничего страшного, если наличных нет, на первое время сойдет и залог в виде вещицы.

Цинь Мянь дружелюбно кивнул и поднял руку, щелчком расстегивая платиновый зажим ремешка с внутренней стороны запястья.

— Эй… — красный паренец рядом с Цинь Мянем снова принялся тараторить.

— Чего ты эйкаешь? — Краб зыркнул на него. — Это же не твои часы.

— Брат Мянь, это подарок от бренда, её нужно надеть на презентацию… — шепотом напомнил тот.

Взгляд Краба намертво прилип к запястью Цинь Мяня, процесс ожидания казался невыносимо томительным — вплоть до того момента, пока Цинь Мянь не протянул ему часы.

Хотя тупик в переулке был темноват, кромешной тьмой он всё же не отличался. Краб обратил внимание на выглядывавшую из-под рукава Цинь Мяня часть предплечья: вены там бугорками выступали наружу и тянулись прямо к тыльной стороне ладони. В Синьти было полно бойцовских клубов, и в юности Краб тоже ходил туда учиться единоборствам. Тренировки оказались слишком каторжными, и через полгода он бросил это дело, однако он отлично умел распознавать руки с настолько низким процентом жира — вряд ли такие можно было накачать

в обычном фитнес-зале.

Краб отступил на полшага назад, оказавшись ближе к притащившимся за ним шестеркам, и подумал: ну и что с того, что этот тип боец? У него с собой целая толпа людей, нечего тут пугаться раньше времени.

Он протянул руку, чтобы забрать часы, которые протягивал Цинь Мянь, но внезапно Хэ Линьнань с другой стороны ухватил Цинь Мяня за запястье, толкнув эти часы назад на полдюйма.

— Я им ничего не должен, — глядя на Цинь Мяня, произнес Хэ Линьнань.

Гнев, который Цинь Мянь до этого сдерживал, вспыхнул и перекинулся на Хэ Линьнаня. Лицо Краба перекосило от нервного тика, и он занес руку, намереваясь влепить Хэ Линьнаню пощечину.

Однако ударить по лицу не вытекло — запястье пронзила дикая, пронзительная боль. Раздался глухой хруст, донесшийся изнутри собственного тела, словно сломалась его собственная кость. Краб повернул голову и, уставившись на то, как Цинь Мянь сжимает его запястье, испытал первобытный ужас, истошно завопив:

— А-а-а!

Не успел он отдернуть руку, как противник сам отпустил его.

Вся кисть выше запястья мгновенно онемела. Поддерживая искалеченную руку второй ладоней, Краб попятился назад, спрятался за спины своих парней и вперил в Цинь Мяня свирепый взгляд.

Он не мог вымолвить ни слова. Смотря в лицо Цинь Мяня, он вдруг почувствовал странное дежавю.

— Не трогай его, — произнес Цинь Мянь, по-прежнему протягивая руку с часами в сторону Краба. — Вот твои часы.

Краб шевелил губами, пытаясь что-то сказать, но горло будто перехватило, а в запястье пульсировала острая боль.

Заметив, что тот не спешит принимать часы, Цинь Мянь слегка озадаченно нахмурился. Его взгляд медленно опустился вниз, словно он только сейчас заметил поддерживаемую руку Краба:

— Это вывих, ничего страшного.

С этими словами он словно для наглядности тронул ладонью с внутренней стороны собственное запястье:

— Просто вставить на место.

Краб снова отступил на полшага назад, в его голове творился полный кавардак. Ни одна из реакций этого Цинь Мяня не укладывалась в его расчеты, к тому же чем дольше он всматривался в это лицо, тем сильнее оно казалось ему знакомым…

Тут же подручный шепнул ему на ухо:

— Брат Краб, это же Цинь Мянь! Из-за него ты в прошлом месяце проиграл двадцать тысяч!

В прошлом месяце… двадцать тысяч?

Будучи ростовщиком, он обладал хорошей чуйкой на цифры. Стоило ему зацепиться за сумму в двадцать тысяч, как в памяти мгновенно всплыло, где именно он их проиграл — на подпольных боях без правил!

И впрямь, во всем был виноват стоявший перед ним Цинь Мянь! Правда, тогда он видел этого парня лишь по телевизору: в первом же раунде тот одержал победу, из-за чего он не только проиграл все деньги, но и, не сумев закрыть образовавшуюся брешь, чуть не был до смерти избит собственным братом, когда правда всплыла наружу.

Лицо Краба окаменело. Выросший в Синьти, он отлично проводил в уме невидимую черту: кто ему по зубам, а с кем связываться категорически нельзя.

Еще раз бросив взгляд на часы в руке Цинь Мяня, он полуповернулся к своим людям и бросил:

— Уходим.

Краб увел всю эту шпану прочь, и Хэ Линьнань поспешно заковылял следом.

Деваться было некуда — тупик оказался глухим, и выбраться можно было только в одну сторону. Вряд ли кто-то пожелал бы остаться здесь и вдыхать аромат чужьей мочи, так что волей-неволей всем пришлось идти именно этим путем.

Краб со своей ватагой ретировался бегом, словно опасаясь, что их кто-то погонит.

Хэ Линьнань тоже хотел побежать, да только ноги не слушались. После того как его билетом и ногами метелили столько времени, тело ломило от боли — разве мог он мчаться так же резво, как эти молодые парни.

— Постой.

Голос Цинь Мяня донесся из-за спины.

Хэ Линьнань даже не обернулся, изо всех сил стараясь переставлять ноги и идти быстрее.

Стоило выйти из переулка, как стало гораздо светлее — там горели уличные фонари. Опустив голову, Хэ Линьнань случайно заметил, что его черная футболка вся покрыта следами от подошв.

И надо же было надеть черную футболку, на ней грязь видна просто отвратительно.

Из носа снова потекла горячая струйка. Он поднял руку и небрежно вытерся.

Фонарный свет осветил ярко-алую кровь на ладони. Перед глазами у Хэ Линьнаня потемнело, в голове зазвенело, ноги окончательно превратились в вату. Бессильно прислонившись спиной к стене переулка, он сполз по ней прямо на землю.

Закинув голову назад, он торопливо размазал кровь по футболке, пока та не успела засохнуть.

http://bllate.org/book/34412/4242623